

Дух, который разбил
свой кувшин

Татьяна Слепова

Татьяна Слепова Дух, который разбил свой кувшин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549751

SelfPub; 2023

Аннотация

Фэнтези из жизни первобытного общества. Вереск и Пестрошейка любят друг друга. Но мир каменного века жесток, и влюбленные не могут быть вместе. У Вереска есть еще одна проблема. Он слышит голоса духов и может отвечать им. Но каждый в племени знает – только шаман имеет право общаться с духами. Для остальных общение с потусторонним миром под запретом. Нарушение запрета карается. Что будет делать юный Вереск? Смирится со своей судьбой? Или пойдет наперекор ей?

Содержание

Лень шамана	4
Дух заскучал в кувшине	6
Племя Ветвистого Оленя	8
Зачем такой большой кувшин?	10
Брачный танец Пестрошейки	12
Побег	15
На свободе	18
Дух кувшина замолчал	21
Лев и охотник	25
Пора прощаться	29

Татьяна Слепова

Дух, который разбил свой кувшин

Лень шамана

Только шаман может духов слышать. Это все знают. Может, но не всегда хочет.

Пригласила Кауха к себе шамана и говорит:

– Молоко у меня прокисает. Раз прокисло, два прокисло. Может, ты с духом кувшина поговоришь?

И указывает на огромный глиняный кувшин, что наполовину в землю зарыт. Сколько лет кувшину, а ни вмятины, ни трещины на нем.

– Оставь меня, женщина, со своими глупостями, – ответил ей шаман. – Звезда на небе погасла. Что это значит? Думаю теперь.

– Звезда, говоришь?! – Завелась Кауха. – Звезда далеко. А молоко вот оно – воняет. Зачем тебе только оленину каждый день дают, если ты с духом глиняного горшка совладать не можешь?!

Обиделся шаман, ушел.

– Мама, оставь его! – Успокоил ее Вереск. – Не видишь?

Не до нас шаману, – и добавил совсем тихо. – Я с духом поговорю.

– Да ты с ума сошел! – женщина всплеснула руками. – Нельзя тебе с духами говорить! Только шаману можно. Кроме него никто духов не слышит.

– Я слышу! – упрямо настаивал Вереск.

– Ты как твой отец! – И мать почему-то заплакала.

Отца Вереск не помнил, а жалко. Веселый, говорят, человек был. Непутевый, но веселый. Кауху отговаривали к нему в жены идти. Уж больно он хилый был, да болел часто.

– На кой он тебе? – причитали женщины ее родительского племени. – Вон, посмотри, сколько хороших охотников вокруг.

– С ними скучно, – спокойно отвечала Кауха. – А с этим весело.

– Скучно ей! Заживешь своим шатром, не до скуки будет. То один ребенок подрастет, то другой.

Отец издалека пришел. Никто не знал, откуда. Его в племя принимать не хотели, потом приняли. Он рассказывал про другие страны, какие там разные животные и растения. Мать слушала, так и прилипла к нему сердцем.

Вскоре Вереск родился. Отец радовался, но недолго. Умер быстро.

С тех пор Кауха никого не подпускала к своему костру.

Дух заскучал в кувшине

Мать по делам ушла, а Вереск к кувшину подкрался. Запах оттуда доносился, хоть нос затыкай.

– Эй! Ты там?! – робко позвал Вереск.

Поверхность молока всколыхнулась.

– Чего тебе? – раздался из кувшина ворчливый голос.

Вереск совсем осмелел.

– Ты зачем молоко портишь? Мать за дикими козами по всему долу гонялась. Молоко чтобы добыть.

– Скучно мне, – ответил дух. – Целую вечность в этом кувшине сижу. Ничего кроме молока вашего не вижу.

– И что теперь?! – Грозно прорычал Вереск. – Молоко нам портить?!

– И буду портить! – помолчав, ответил дух.

У матери уже волосы на солнце серебрятся, а прыгает по камням точно девчонка. Охотники на нее заглядываются. Другие женщины злятся, что безмужняя она. Срам да соблазн сплошной.

– Большой ты у меня стал, – Кауха положила руки сыну на плечи, да еле дотянулась. – Скоро тебе в мужской шатер переезжать.

– А ты как же? – Насторожился Вереск. – Кто тебя оберегать будет?

А еще Вереск про молочного духа подумал. Как он тут

один останется? Совсем в своем молоке закиснет.

Не хотел Вереск в мужской шатер. Заглянул он туда однажды. Запах от пота с ног сшибала. А от шуток про женщин зубы сводило.

– Тогда женись поскорее, – посоветовала мать. – Своим шатром заживи. К нам племя Ветвистого Оленя скоро в гости нагрянет. Выбери себе невесту по душе.

Племя Ветвистого Оленя

У племени Ветвистого Оленя дюжину лет назад беда случилась. Одни девки нарождались. И родилось их столько, хоть гроздьями собирай.

Вот и приходится теперь Ветвистому Оленю со всеми соседними племенами дружить. С девками много не навоюешь. Да и сбыть их куда-то надо. Девочек этих. Ходят они теперь всем племенем в гости. Женихов ищут.

– Только на Пестрошейку больше не заглядывайся. Проклятая она.

Совсем загрустил Вереск, голову повесил.

– Вот за что мне такое наказание? – вздыхал Вереск, сидя рядом с молочным кувшином. – Не нравятся мне другие невесты из Ветвистого Оленя. Кричат они много, смеются, точно ночные филины. А Пестрошейка... Она другая. Тихая, скромная, и на меня смотрит.

– У меня от твоих разговоров молоко еще сильнее скиснет, – заворчал дух. – А на этой твоей Пестрошейке почему жениться нельзя?

Пестрошейка намного старше Вереска была. Семнадцать лет ей уже стукнуло, а мужа все нет. Вернее, был у нее жених. Но как дал клятву перед костром жениться на Пестрошейке, так и сгинул на следующий день на охоте.

Другой жених выискался. Так и он в лапы медведю попал.

С тех пор шаман Ветвистого Оленя запретил Пестрошейке женихов искать. Вот и ходит она теперь на праздники тихая и грустная. Сидит себе в сторонке, ни на кого не глядит. Только на Вереска если.

– А ты сам сгинуть не боишься, если к Пестрошейке посватаешься? – осторожно спросил дух кувшина.

– Уж лучше сгинуть, чем без нее жить! – резко ответил Вереск.

– Так ты у нас влюбился? – усмехнулся дух.

– Не знаю, – юноша пожал плечами. – Может, и так.

– Мать сама, главное, против воли племени замуж пошла, – продолжал рассуждать Вереск. – А мне на Пестрошейке жениться не дает.

Зачем такой большой кувшин?

Кувшин этот, кстати, отец слепил. Много глины на кувшин ушло. Целая гора. И жене своей, Каухе, наказал: чтобы в кувшине всегда молоко было.

Все племя над ней смеялось: какой большой кувшин для молока!

– Тебе, Кауха, коз нужно собирать точно ягоды. Иначе этот кувшин никак не наполнить!

– А еще лучше – всех коз к себе в гости позови! – Посоветовал кто-то. – Все равно они тебя каждый день видят!

Позвать коз в гости? Кауха призадумалась. Даже привела к себе в шатер одну. Но шаман запретил – не по правилам это!

– Слушай, кувшинник! – вдруг догадался Вереск. – Ты ведь моего отца знал?

– А как же! Знал! – гордо ответил дух.

– Какой он был? Расскажи!

– Мальчишка он и есть мальчишка. Что тут рассказывать?

– Мой отец – мальчишка?! – рассвирепел Вереск. – Да как ты смеешь говорить такое? Вот я сейчас достану тебя из твоего кувшина и поколочу!

– Так мальчишка и есть! То из дерева страшилищ выстрегает. Детям на потеху. То зверушек каких-то из глины вылепит. Шаману все это очень не нравилось. Но детские игрушки

ки запретить не мог. Взрослые по правилам живут, а дети как умеют. На то они и дети.

Брачный танец Пестрошейки

Вереск хотел спросить еще что-то, но его отвлекли. Брачные танцы начались.

Кто же там в центре круга теперь? Какая из красавиц Ветвистого Оленя? Пестрошейка?! В центре круга Вереск увидел Пестрошейку. А вокруг нее вился и приплясывал... Оборут?

Пестрошейка пыталась бежать, вырваться из круга. Но соплеменники ее не пускали. Кто же с Оборутом по доброй воле танцевать будет? Оборута все знали. Горбун с длинными руками. Идет Оборут, а руки так свисают, что за землю цепляются.

Да ладно бы только это! Животных он мучить любил. Не убивал белок, как другие охотники, а голыми руками ловил. Долго белки в его руках извивались. Смотреть было тошно. Охотники однажды это увидели, Оборута побили. Он только обозлился и глубже в лес уходить стал. Туда, где людей поменьше, да белок побольше.

И вот он теперь вокруг Пестрошейки танцует. Тянет к ней эти руки свои. Хохочет. Пестрошейка ревет и воеет, как ей противно.

– А ну отойди от нее! – Вереск разорвал брачный круг, встал между Пестрошейкой и Оборутом.

– Наш новый шаман пришел! – Оскалился в улыбке Обо-

рут.

– Почему ты так его назвал? – Строго спросил настоящий шаман. – Отвечай!

– Да как же?! – Оборут развел руками, точно дерево ветками замахало. – У нас ведь только шаману положено с духами разговаривать. А этот так с духом болтает. Точно родному отцу ему кланяется.

Повисла тишина. Все замерли. Разговор с духами – серьезное обвинение.

– Вереск, это правда? То, что Оборут говорит? – строго спросил шаман.

– Да кому вы верите? – Вступилась за сына Кауха. – Живоглуту этому?

– Правда или нет? – Шаман так своим посохом о землю ударил, что она затряслась. А еще он Вереску в глаза заглянул. Да так, что душа у юноши в клубок свернулась от холода и страха.

– Правда, – не смог солгать Вереск. Сказал, и холод сразу отпустил его.

Толпа ахнула и расступилась. Точно Вереск был болен какой-то плохой болезнью.

– Знаешь ли ты, что запрещено это? – Продолжил свой допрос шаман. – Что только я в нашем племени могу с духами разговаривать?

– Знаю! – со вздохом ответил Вереск.

– Завтра совет созывать будем! – Объявил шаман. – Ре-

шим, что с тобой делать.

Побег

Вереск вернулся в свой шатер мрачнее тучи. Кауха за ним по пятам следовала. Еще и Пестрошейка с ними увязалась. Не звал ее никто в гости, без спросу в шатер вошла.

Сели, помолчали.

– Уходить тебе надо, Вереск! – Наконец сказала Кауха. – Нельзя больше здесь оставаться.

– А как же ты, мама? – Встрепенулся юноша. – Я тебя не брошу!

– За меня не бойся, – слабо улыбнулась Кауха. – Племя меня не обидит. Я ведь старуха. Тридцать вторая зима на носу. Стариков никто обидеть не смеет. Они скоро сами духами станут. Какой дурак против духов пойдет?

Посмотрел на нее Вереск. Какая же она старуха?! Ну, волосы седые, ну морщины вокруг глаз. Но глаза-то! Глаза какие! Огонь жизни в них так и плещется!

– Я с тобой пойду! – вдруг вступила в разговор Пестрошейка.

– Ты?! – Удивился Вереск. – Я даже не знаю, куда пойду. Может, погибну я.

– Лучше с тобой погибнуть! – Возразила Пестрошейка. – Чем с этим вашим Оборутом жить.

– Уходи! – Накинулась на Пестрошейку Кауха. – Двух парней погубила! Мало тебе? Теперь за моего сына взяться ре-

шила?!

– Не губила я никого! – Гордо ответила Пестрошейка. – Судьба губит, а не люди. Может, и погублю Вереска, а может и спасу. Путь ему длинный предстоит. Одному точно не пройти.

– Ладно, – отступила Кауха. – Будь по-вашему. Только тогда и духа кувшина с собой заберите. Не то шаман его уничтожит.

Вереск достал маленькую глиняную крынку. Когда Кауха коз доила, молоком крынку доверху наполняла. И сейчас оно в ней плескалось

Юноша подошел к огромному молочному кувшину с глиняной крышкой в руках.

– Эй, дух! – позвал он. – Я тебе молока принес! Свежего! Только что из-под козы! Полезай в эту крынку! Какая тебе разница, где жить? Главное, чтоб молоко было!

Из кувшина вырвался ветер, пролетел над крышкой, молоко в ней заволновалось.

– Не хочу я в крынку! – Обиженно ответил дух. – Маленькая больно! Тесно в ней будет.

– Уходить нам надо! – Объяснил Вереск. – А кувшин этот я не утащу. Тяжелый больно.

– Значит, здесь останусь, – буркнул дух. – Видно, судьба у меня такая!

Делать нечего. Пришлось кувшин откапывать. Сильно он в землю врос. Вереск всю ночь трудился. Тяжелый кувшин

оказался. Пока он в землю врыт был, никто и не знал, какой он тяжелый.

На свободе

С первыми лучами солнца Вереск и Пестрошейка отправились в путь. Кто кувшин на спине понесет? Пестрошейка, конечно. У мужчины в пути только копье в руках должно быть. Пока мужчина от поклажи освобождаться будет, пещерный лев или медведь его три раза съесть успеет, да кости выплюнуть.

– Хорошо идем! – Дух в кувшине повеселел. – Хорошую ты жену себе выбрал, Вереск! Сильную.

У Пестрошейки ноги подгибались под тяжестью кувшина, но она терпела, шла. Больно было Вереску на это смотреть. Но что поделать?

– Давай привал устроим, – предложил юноша.

– Привал – это хорошо! – обрадовался дух кувшина. – А то меня совсем от вашей дороги взболтало!

Он еще и жалуется! Вот бездельник! Сидит себе в кувшине, и бед не знает.

Спустились к реке. Пестрошейка кувшин в осоке спрятала.

– Я на солнышке погреться хочу! – завопил дух. – Зачем меня в траву сажают?!

– Чтоб не подглядывал, – ответила Пестрошейка, – как я купаться буду.

– Да чего я там не видел?! – Возмутился дух. – Я таких

богинь разглядывал, которые на облаках живут! Думаешь, ты меня удивить сможешь?!

Вереска, конечно, в осоку никто не прятал, но глаза он опустил и чуть-чуть отвернулся. Раздался плеск воды, это Пестрошейка в воду окунулась. Прошло немного времени.

– Вереск! – Наконец позвала она. – Иди сюда!

Обернулся Вереск и чуть не ослеп. Пестрошейка стояла на берегу совсем голая. Мокрые волосы липли к высокой груди. Какие там богини на облаках?! Пестрошейка красивее всех их была.

– Иди сюда! – Еще раз позвала Пестрошейка и руки к Вереску протянула.

– Да как же так?! – Опешил юноша. – Шаман нам разрешения не дал. Нельзя без этого!

– Да где ты здесь шамана видишь?! – засмеялась Пестрошейка. – Мы сами себе хозяева!

Девушка легла на песок и увлекла Вереска за собой.

Юноша обнял ее и забыл обо всем на свете.

Природа сама подсказала, что и как делать. Вереск и не знал, как это приятно, с женщиной быть. Кажется, Пестрошейке тоже понравилось.

Вереск и не заметил, как они уснули. Прямо на берегу, обнявшись. Неправильно это было. Кто-то должен не спать, по сторонам смотреть.

«Дух посмотрит, – решил Вереск, проваливаясь в сон, – не зря же Пестрошейка его кувшин на себе тащила».

Утро началось с рассветом. Вереск и Пестрошейка позавтракали остатками мяса, которое с собой из дома захватили. Отправились в путь. Легко шла Пестрошейка, смеялась даже. Вереска про разных животных и птиц расспрашивала. Пестрошейка вглубь леса и не ходила никогда. Женщины по опушке грибы да ягоды собирают. Это мужчины-охотники в погоне за добычей пол-леса пробежать могут. Женщинам вглубь леса ходить без надобности.

Еще Вереск всяких разных птиц свистом передразнивал. Птицы откликались. Пестрошейка смеялась. Тоже пыталась свистеть, но ничего у нее не выходило. Не женское это дело – птиц подманывать.

Дух кувшина замолчал

Хорошо шли, дружно. Словно давно семьей были. Только что-то Вереска беспокоило. Будто потерял нечто важное, а теперь найти не может.

Кувшин! Дух кувшина всю дорогу молчит, ни слова не вымолвил за все утро. Странно это.

Остановились.

– Эй! – Позвал Вереск, склонившись над кувшином. – Дух, отзовись!

Только эхо по кувшину пролетело. Никто не ответил.

– Молоко! – Догадалась Пестрошейка. – Молока в кувшине не осталось!

– Как это не осталось?! – Возмутился Вереск. – Еще вчера было! Кувшины молоко хранят, а не пьют!

– Еще как пьют! Зачем, по-твоему, духу молоко нужно? – покачала головой Пестрошейка.

– Козы! – предложил парень. – Надо коз диких наловить! Срочно!

– Да где же мы в глухом лесу коз найдем? – Развела руками Пестрошейка. – Да и нет сейчас у коз молока. Не сезон. Одни козлята подросли, другие еще не народились.

– Где же моя мать круглый год молоко находила? – удивился Вереск.

– Твоя мать ведунья, – объяснила Пестрошейка. – А веду-

ньи своих секретов не выдают.

Совсем помрачнел Вереск. Обещал духу кувшина помочь и не смог. Но Пестрошейка на помощь пришла.

– Знаешь, что женщины делают, когда у них молоко вдруг пропадает? – спросила она и сама ответила. – Кровью ребенка кормят, чтоб не погиб он. Подстрелили птицу какую-нибудь. И нам ужин, и кувшину помощь.

Нелегко это оказалось – птицу в лесу подстрелишь. На открытой местности проще было. Наконец, удалось это Вереску, хотя две стрелы все-таки потерялись в кустах. Пестрошейка сорвала широкий лист, собрала в него птичью кровь. Долго они не решались в кувшин кровь налить. Наконец, Вереск опрокинул лист над горловиной и замер в ожидании.

Ничего не происходило. Ни звука не доносилось из кувшина. Пока наконец над горловиной не за клубился пар. Словно варилась в горшке еда. Потом и голос появился.

– Что это? – испуганно спросил дух. – Чем вы меня напоили?! Кровью?!

Пар за клубился, пополз по земле туманом. Пестрошейка духа не слышала, но поняла: происходит что-то плохое. За спину Вереска спряталась.

– Послушай! – сказал юноша духу кувшина. – Не могли мы в лесу молока достать. Вот пришлось...

– Ну, тогда пеняйте на себя! – грозно прорычал дух.

Пар над горшком превратился в черный едкий дым. Взметнулся ввысь, расправил два крыла, заслонившие пол-

неба. Птица! Из дыма соткалась огромная птица. Не было в ней больше дыма. Только перья и когти, плоть и кровь. Птица подняла острый клюв и заклокотала.

Вереск и Пестрошейка поспешили укрыться в лесу.

– Что это?! – в ужасе спросила Пестрошейка.

– Зря мы его птичьей кровью напоили, – объяснил Вереск. – Видишь, что из этого вышло?

Птица спустилась на землю, метнулась в гущу леса. Перья цеплялись за ветки, да так на этих ветках и оставались. Птица не обращала на это внимания. Острые когти вбивали еловые шишки в землю.

– Дух, послушай! – Начал Вереск. – Это же ты?

А сам на птицу смотрит, в ее маленькие красные глаза, похожие на ягоды бузины.

Птица остановилась, прислушалась. Склонила голову на бок и часто заморгала.

– Я теперь птица скорой судьбы и сожрать вас хочу! – объявила людям птица. Этот голос не из клюва ее исходил, а откуда-то из глубины. Вереск сразу узнал этот голос. Никак он не изменился. Как был голосом духа, так им и остался.

– Неблагодарная ты тварь! – рявкнул Вереск так громко, что Пестрошейка от него отпрянула. – Мы тебя из деревни вывезли, спасли. Моя женщина тебя на спине тащила. А теперь сожрать нас решил?!

– Такова моя природа, – спокойно ответил дух. – Ничего с ней не поделаешь.

– А ты попробуй что-нибудь поделатъ! – продолжал возмущаться Вереск. – Нет у тебя никакой природы. Ты дух! Ты все можешь!

Птица сделала шаг назад, а потом еще и еще. Остановился рядом с кувшином.

– Подойди ко мне, Вереск! – Велел дух.

Долго не решался юноша сдвинуться с места. Неуверенно пошел к птице. Пестрошейка хотела за ним последовать, но Вереск ограждающим жестом руки ее остановил.

Они стояли рядом, птица и человек. Птица такой огромной была, что ее глаза вровень с человеческими оказались. Долго птица человека разглядывала, да клювом щелкала. И, наконец, произнесла.

– Передумал я. Не стану вас есть.

Птица растаяла, на туман распалась. Туман быстро в кувшин уполз.

– Можем продолжать путь, – объявил кувшин.

И они двинулись дальше.

Лев и охотник

Шли они по кромке леса, весело болтали о разном. Вдруг Вереск остановился, замер на месте. Стал озираться по сторонам, копые поудобней перехватил.

Что там, в лесу? Может, зверь какой бродит? А, может, человек. Не знаешь, что хуже. Чужой человек опасней зверя бывает.

Вдруг из кустов прямо на тропу выскочил заяц. Не взрослый заяц даже, зайчонок. Поджал уши и сидит, старой вываренной шкурой притворяется.

– Ну ты, Вереск, и воин! – Рассмеялась Пестрошейка. – Зайца испугался!

– Может, поймать его? – предложил дух кувшина.

– Тебе лишь бы кого поймать! – отмахнулся Вереск. – Мал он еще. Пусть подрастет сначала. А там, если наши пути еще пересекутся, может, и поймаю.

И пошли дальше. Пестрошейка все над Вереском подшучивала. Какой он бесстрашный победитель зайцев оказался.

Только недолго они так шли. Вереск опять остановился и на Пестрошейку шикнул, чтобы тихо себя вела.

– Опять от зайчонка спасать меня будешь? – Не унималась Пестрошейка. – А, может, от белки? Белки тоже страшные бывают. Как прыгнут из ветвей, так и клочки по ветру.

Но Вереск ее не слушал. Что-то надвигалось на них. Шло

медленно и аккуратно, ветки не ломало, сучьями не хрустело. Осторожно подкрадывалось. Но где? Тень выросла прямо за спиной Пестрошейки. Тонкие кошачьи лапы, огромная грива. Пещерный лев? Вереск раньше льва только выбитым на камне видел. И вот он здесь. Возник из-за деревьев.

– Назад! – крикнул Вереск Пестрошейке. – Бросай кувшин, лезь на дерево!

– Что значит – бросай кувшин?! – закричал разгневанный дух. – А как же я?! Меня вы на съедение оставите?!

Пока Пестрошейка кувшин снимала, лев на нее кинулся. В один прыжок настиг ее. Девушка хорошо по деревьям лазала, быстро на высоту поднялась. Лев за ней. Полоснул когтями по стволу дерева, за ногу Пестрошейку ухватил. Пестрошейка вскрикнула, но из цепких кошачьих лап вырвалась, продолжила по дереву карабкаться. Только дорожка из крови стала на коре проступать. От запаха крови совсем рассви-репел лев.

– Эй, иди сюда, кошка! – громко закричал Вереск. Лев обернулся, отвлекся от Пестрошейки.

– Иди сюда! – Повторил Вереск. – Я повкуснее буду.

– Вереск! – позвал дух. – Не одолеть тебе льва в одиночку. Напой меня своей кровью.

– Еще чего! – ответил Вереск. – Ты от птичьей крови ума лишился, а от моей что будет?

А лев обернулся к Вереску, лениво двинулся в его сторону.

– Вереск! – прокричал дух. – Сам погибнешь и меня ни за что погубишь.

Страшная была громадина, этот лев. И прыгучая, точно змея.

И Вереск решился. Полоснул себя каменным ножом по ладони. Алая кровь заструилась по пальцам. Вереск руку над кувшином занес, пара капель в горловину упала.

– А теперь уходи! – грозно велел дух кувшина. – Прячься!

Снова над кувшином пар за клубился. Что на сей раз из этого пара получится? Опять птица? Нет. Вереск глазам своим не поверил. Над горловиной человеческая фигура соткалась, один в один на него похожая. Только взгляд у этой фигуры неживой какой-то получился. Мертвый.

Фигура двинулась на льва. Ни страха, ни робости. Слово копые ожило. Даже Вереск ощутил запах чего-то неживого. Лев оторопел, назад попятился. Непонятный враг метнул в него свое призрачный дротик. Пещерный лев заверещал как обиженный котенок, пытаясь укусить древко дротика, что торчал у него рядом с сердцем, и умер.

Призрачная фигура отвернулась от льва, посмотрела на Вереска. У юноши от этого взгляда вся душа перевернулась. Слово он обломок скалы проглотил. Фигура сделала шаг вперед и растаяла.

– Ты как? – Вереск кинулся к Пестрошейке и помог ей слезть с дерева. – У тебя вся нога в крови!

– Ерунда! – отмахнулась девушка. – Царапина. Сейчас

окунуть в реке, и пойдём дальше.

Пора прощаться

Через час стало понятно, что рана у Пестрошейки вовсе не ерундовая. Девушка еле шла. Кувшин не могла на себе нести, по земле тащила. И кувшинный дух почему-то притих. Не охал на кочках, не ворчал на перекатах.

– Дальше не пойдем! – Объявил Вереск.

Пестрошейка не возражала, легла на землю, свернулась клубком.

– Да ты вся горишь! – Ужаснулся Вереск. – Рану свою покажи!

Рана вздулась и почернела. Плохо дело! Долго Вереск подле девушки сидел, не знал, что делать. Не умел он врачевать, не воина это дело. В племени раны всегда шаман лечил. Да мать немного. Тайком от шамана.

Пестрошейка металась по земле подстреленной птицей, все звала кого-то. Темнело уже. По лесу шакалы стали рыскать, да на крики Пестрошейки подвывать.

Наконец, девушка открыла глаза, посмотрела на Вереска и слабо улыбнулась.

– Вереск! – тихим голосом позвала она. – Подойди!

Вереск послушался и сел рядом с ней.

– Хорошо, что мы сбежали, правда? – Продолжила девушка.

У Вереска комок в горле застрял. Кивком головы согла-

сился.

– А теперь убей меня, – попросила Пестрошейка.

– Что?! – возмутился Вереск и на ноги вскочил. – Да ты ума лишилась?!

– Сядь и послушай, – мягко попросила девушка. Вереск повиновался. – Не выжить мне. Знаю. Черная боль долго меня есть будет. Пока не насытится. Больно мне будет. Очень. И тебе больно станет на меня смотреть. А так... – Она взяла руки Вереска и положила себе на горло. – Как птиц убиваешь, коли стрела свое дело не доделала.

– Замолчи, женщина! – В ужасе закричал Вереск. – Немедленно замолчи!

Он отвернулся от нее, подошел к кувшину.

– Ну что скажешь?! – Обратился Вереск к духу.

– Что тут скажешь? – Гулко ответил дух.

– А ты попробуй сказать что-нибудь! – Рывкнул Вереск. – И помоги! Ты же лечить умеешь!

– Не умею, – ответил дух.

– Неправда! Матушка ведь с твоей помощью других лечила. Так?

– Матушка твоя ведунья, – мрачно напомнил дух. – С ней моего труда мало надо было. Свой добавляла.

– Так значит, ты труда испугался?! – Возмутился Вереск. – Ленивый молочный слизень! Вот ты кто!

– Ладно! Помогу! – неохотно согласился дух. – Накопай земли помягче и заполни кувшин доверху. Затем сходи в лес

и найди ольховую сережку. В кувшин посади. Посмотрим, что получится.

Все Вереск сделал, как дух велел. Посадил ольховую сережку в кувшин, стал ждать, что дальше будет. Пестрошейка больше не звала его. Металась в бреду, какие-то чужие имена перебирала. Вереск даже рад был ее бреду. Не смог бы он ее просьбу выполнить.

Недолго ждать пришлось. Из кувшина росток показался. Быстро он окреп, да ввысь поднялся.

Вереск впервые за весь день надежду почувал.

Вдруг раздался глухой звон разбитой посуды. Корни сквозь кувшин проросли, да раскололи его. Корни в землю пошли, подминая остатки посуды под себя. А дерево к небу потянулось.

– Дух, ты здесь?! – Спросил Вереск. Ему ответила тишина. – Да где же ты?!

Ушел дух. Может, в небо улетел, может, в дерево вселился.

Красивое дерево получилось. Тонкий стебель, маслянистые листья. Не береза и не ольха. Никогда таких деревьев Вереск не видел.

Юноша времени не терял. Нарвал листьев с дерева, приложил их в ране Пестрошейки. Еще в большом черепке отвар из этих листьев сделал, девушку отваром напоил.

Вскоре Пестрошейка открыла глаза, пить попросила. Долго и жадно пила воду. Вереск умаялся к ручью бегать. Вско-

ре Пестрошейка уснула. Спокойно спала, не бредила, только улыбалась во сне.

На следующий день Пестрошейка поднялась на ноги. За Вереска держалась, но ходила. Еще два дня и совсем окрепла.

Черепки от кувшина под корни дерева ушли. И дух больше не отзывался. А дерево все росло. Иногда к нему приходили олени и зайцы. Первые листья подъедали, а вторые – кору.

– Звери чувят, что дерево целебное, – объяснила Пестрошейка.

Настала пора двигаться дальше в путь, хоть и не хотелось Вереску и Пестрошейке от дерева уходить.

– Мы тебе молока принесли, – объявил однажды Вереск и дереву поклонился. – Пестрошейка олениху подоила, которая в мою яму попала.

И молоко потекло по корням дерева.

– Прощай, дух. Не знаю, слышишь ты меня теперь или нет. Но я тебя всю жизнь помнить буду.

– И я, – подхватила Пестрошейка.